

Продавец, слушая меня, сначала хмурился всё сильнее, а потом внезапно просиял и хлопнул в ладоши:

— Есть, есть! Почему вы сразу не сказали? Судя по вашему описанию, эта вам точно понравится! — С этими словами он вытащил из-под прилавка маленькую деревянную шкатулку, покрытую золотым лаком, открыл её и с таинственным видом достал тонкую книжечку размером с ладонь:

— Это запрещённая книга! Стиль остроумный, иллюстрации как живые. Такая только у меня, другие не рискуют продавать!

У меня заблестели глаза, от его слов внутри всё зачесалось. «Неужели есть такое сокровище?» — подумал я и нетерпеливо вытянул шею, чтобы взглянуть. На тёмно-синей обложке красовались четыре золотых иероглифа: «Весенний снег».

Книготорговец продолжал без умолку, даже перелистнул пару страниц для проверки:

— Взгляните на переплёт, на иллюстрации! Лучшего руководства по плотским утехам не сыскать. Самое ценное — она всеобъемлюща. Вся книга разделена на две части: первая, «Весна», повествует о радостях мужской любви, вторая, «Снег», — о соитии мужчины и женщины. Можно купить целиком, а можно и по отдельности. Как, нравится?

Я вздрогнул на месте, облизнул пересохшие губы:

— Учитель, заверните мне, пожалуйста, «Записки о горах и водах», «Предание о странствующих рыцарях» и «Ядовитый лекарь». Посчитайте, сколько с меня.

Авторская заметка:

Обновил, обновил!

Все четыре книги я купил. Сначала взял только первые три, но по дороге подумал: я же взрослый мужчина за двадцать, что такого в покупке иллюстрированного руководства по любви? Я ведь не монах.

Первые три тома я аккуратно сложил и понёс в руках, а «Весенний снег» привёл в порядок и сунул за пазуху. Слава моей прозорливости: вернувшись в резиденцию, я увидел, что отец снова в ярости. Его лицо почернело, как у Гуань Юя, и он вспыхнул, словно петарда:

— Ты, ты... сам дурак, так ещё и Ичжи сбиваешь с пути!

Клянусь небом! Разве я могу сбить Ичжи с пути? Ему разве нужно, чтобы его сбивали? Ещё один невежда, ослеплённый внешностью! Мне было обидно, но спорить с отцом я не мог и не смел, поэтому лишь признал вину:

— Отец, это моя вина, моя вина. Простите меня в этот раз, больше не посмею.

Тон был правильный, выражение лица искреннее — без тысячи повторений такой тон не выработать.

Отец уже собирался продолжать ругаться, но краем глаза заметил книги, которые я нарочно высоко держал. Полувыкрикнутое «маленький негодяй!» оборвалось на полуслове:

— Что это у тебя в руках?

Есть шанс! Я поспешно ответил:

— Книги. Несколько штук, только что купил. Подумал, раз уж мы с юга не скоро вернёмся, а целыми днями драться на петушиных боях и шататься без дела скучно, лучше чем-то заняться, время скоротать да ум успокоить.

Отец произнёс: «А-а», — и выражение его лица наконец смягчилось:

— Ты... так думать — правильно. И что же купил?

Я сделал вид, что раздумываю, затем поднял голову и, не краснея и не сбиваясь с дыхания, ответил:

— Всего три книги. Одна — о географии, одна — о лекарствах, и ещё одна — сборник приёмов кулачного боя. Всё в военных походах пригодится.

Отец постепенно расплылся в улыбке, словно цветок ипомеи, орошённый весенним дождём:

— Хорошо, очень хорошо. Если бы ты раньше так думал! Жуи, ты слышала? Наш сын наконец-то проникся стремлением к совершенству!

Матушка закивала, как клеваящий зёрнышки цыплёнок, вытерла слёзы и затем схватила меня в объятия, принявшись тискать и мять:

— Слышала, слышала! Сынок, мама... мама так рада! Ты наконец понял мои горькие чаяния!

Матушка в молодости могла замахнуться тяжеленным широким мечом, так что можно представить, какой у неё была сила. Её железные длани сжали меня так, что я начал закатывать глаза. С большим трудом я вырвался и, едва дыша, прохрипел:

— Мама, мамочка родная, я понял... понял... отпусти скорее, дай мне в комнату почитать...

Матушка рассеянно кивнула:

— Хорошо, хорошо, иди скорее. — И, подталкивая меня, закричала во весь голос:

— Янь-эр, Цуй-эр! Быстрее, приготовьте молодому генералу фруктов в кабинет! И чаю заварите — тот ящик билочуня в восточном флигеле хорош, скорее заварите для молодого генерала!

...

Я вбежал в кабинет, словно спасаясь от бедствия. Из-за пазухи выглядывал уголок «Весеннего снега». Осторожно вытащив книгу, я разложил её на столе. Внутри лежал крошечный жетон императорской гвардии. У меня заболели зубы.

Шэн Дайчуань назначил мне встречу на завтра. Судя по сроку, он уже всё подготовил, завтра же обсудим взаимодействие изнутри и снаружи. Дай-то бог, чтобы всё прошло гладко. Когда с этим делом будет покончено, я ни за что не вернусь в столицу, если только дело не будет касаться жизни и смерти!

Протерев жетон, я убрал его. Погрузившись в раздумья, я услышал, как дверь открылась и вошли две служанки с едой. К несчастью, они сразу увидели лежащий на столе «Весенний снег». Их личики тут же покраснели, как варёные креветки, и они забормотали:

— Мо-молодой генерал, чай.

Эти две служанки прислуживали моей матери, ссориться с ними было нельзя. Я попытался одарить их дружелюбной и доброжелательной улыбкой:

— Янь-эр, Цуй-эр, вы же ничего не видели, верно?

Служанки, опустив головы, топнули ножкой и вихрем вылетели прочь. Я подумал и громко крикнул:

— Пойдите! А где Бай Лю и Сяобао? Почему их нигде не видно?

Чуть более смелая Янь-эр остановилась:

— Сяобао дядюшка Линь затащил в привратницкую считать на счётах. А Бай Лю сказал... что кое-какие важные вещи забыл в павильоне Чэньян, попросил отпуск, чтобы забрать.

Главное — знать, где они. Я кивнул, не придав значения, и махнул рукой, отпуская Янь-эр. Чтобы выразить искренность и решимость проказника, вставшего на путь исправления, я провёл эту ночь в кабинете. Наутро я проснулся с одеревеневшей шеей — повернуть её было больнее, чем когда сводит судорогой.

Позавтракав, я под предлогом поиска ещё книг на книжном развале нырнул в павильон Чэньян. В той же VIP-комнате Шэн Дайчуань, с румяным лицом, восседал на большой кровати из грушевого дерева по ту сторону ширмы и громогласно произнёс:

— Брат Сяхоу, ты сегодня весьма пунктуален.

Я проигнорировал его, наклонившись к Лу, чтобы перешептаться:

— Лу, Бай Лю вчера говорил, что вернётся сюда за вещами? Целую ночь его не было, он сейчас у тебя? Лу медленно покачал головой:

— Бай Лю ушёл сегодня на рассвете. Может, пошёл побродить по улицам.

Логично. Подростки лет четырнадцати-пятнадцати очень любопытны. Едва получив свободу, не мудрено, что он отправился побродить. Успокоившись, я наконец взглянул на Шэн Дайчуана. Хотел улыбнуться, но не получилось, пришлось сохранять серьёзность:

— В прошлый раз заставил тебя ждать целый день, в этот нужно быть точным.

Шэн Дайчуань жестом пригласил меня сесть, улыбаясь и подмигивая:

— Садись. Не думал, что ты такой ценитель красоты, так переживаешь за своего возлюбленного, не можешь и на миг расстаться.

Я с глубоким убеждением кивнул:

— Сколько бы я ни говорил, что Бай Лю — не мой возлюбленный, ты всё равно не согласишься. Но раз уж он попал в мой дом, я обязан обеспечить его безопасность, чтобы его снова не похитил такой негодяй, как ты.

Шэн Дайчуань сухо рассмеялся и наконец оставил попытки сблизиться и поболтать, собравшись с мыслями и перейдя к делу. Как рассказал Шэн Дайчуань, за городом у него

размещены двадцать тысяч человек, в городе — ещё десять тысяч, а охрану всех дворцовых ворот тоже заменили. Осталось только отдать приказ. План Шэн Дайчуаня был прост: говоря красиво — военным ультиматумом склонить императора к отречению; говоря прямо — захватить дворец.

В общих чертах объяснив расположение засад, Шэн Дайчуань потирал руки и смотрел на меня, запинаясь:

— Сейчас не хватает лишь одной вещи, с которой ты должен помочь...

Я приподнял бровь:

— Чего?

Улыбка Шэн Дайчуаня стала ещё шире:

— Жетона императорской гвардии. Государь мне не доверяет, он меня и на сто шагов к себе не подпустит. А ты — другое дело. После всех этих унижений государь, думаю, испытывает к тебе некоторую вину. Раздобыть жетон для тебя — не проблема.

Едва Шэн Дайчуань договорил, я остолбенел.

В тот момент я действительно не мог подобрать слов, чтобы точно описать своё состояние. Сказать, что Шэн Дайчуань слишком глуп, отчего прозорливость Государя кажется ещё ярче? Или сказать, что потому, что Государь продумал всё слишком тщательно, наивная глупость Шэн Дайчуаня стала ещё очевиднее? Короче говоря, в этот раз Государь... действительно был как фонарь на вершине высокой горы — мастерство высочайшего класса! Батюшки-светы, хорошо ещё, что у меня и в мыслях не было предательства...

Шэн Дайчуань, видя, что я замер и молчу, видимо, решил, что я струсил. Он похлопал меня по плечу и ободряюще сказал:

— О чём задумался? Успех или поражение решатся в этом бою. Ты поскорее достань жетон, не бойся. Если дело выгорит, нам обоим будет большая выгода.

<http://bllate.org/book/15934/1423890>